

Строение и электронная структура нестехиометрического обогащенного металлом ZrO_x

В. А. Гриценко^{+*×}, Т. В. Перевалов^{+*1)}, В. А. Володин^{+*}, В. Н. Кручинин⁺, А. К. Герасимова⁺,
И. П. Просвирин°

⁺Институт физики полупроводников им. А.В. Ржанова СО РАН, 630090 Новосибирск, Россия

^{*}Новосибирский государственный университет, 630090 Новосибирск, Россия

[×]Новосибирский государственный технический университет, 630073 Новосибирск, Россия

°Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН, 630090 Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию 4 июня 2018 г.

После переработки 3 июля 2018 г.

Атомная и электронная структура нестехиометрического обогащенного металлом оксида циркония, синтезированного методом ионно-лучевого распыления металлической мишени в атмосфере кислорода, исследовалась методами рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии, комбинационного рассеяния света, спектроэллипсометрии и квантово-химического моделирования. Установлено, что $ZrO_{x<2}$ состоит из ZrO_2 , металлического Zr и субоксидов циркония ZrO_y . Для ZrO_y проведена оценка параметра стехиометрии. Показано, что оптические свойства $ZrO_{x<2}$ определяются металлическим Zr. На основе пространственных флуктуаций химического состава предложена модель флуктуации ширины запрещенной зоны и потенциала для электронов и дырок в $ZrO_{x<2}$.

DOI: 10.1134/S0370274X18160026

В настоящее время оксид циркония привлекает большой интерес благодаря перспективам использования в качестве активной среды элементов энерго-независимой памяти, основанной на хранении заряда на ловушках (Charge Trap Flash memory – CTFM) [1–3], а также на эффекте обратимого переключения диэлектрической пленки из высокоомного состояния в низкоомное при протекании импульса тока (Resistive Random Access memory – RRAM) [4–6]. Известно, что ключевым дефектом, определяющим электронные свойства ZrO_2 и других high- κ диэлектриков, является вакансия кислорода [7, 8]. Для работы CTFM активный диэлектрический слой должен иметь высокую концентрацию дефектов ($> 10^{19} \text{ см}^{-3}$), выступающих в качестве глубоких ловушек для инжектированных электронов и дырок. Такими ловушками в ZrO_2 являются вакансии кислорода [9]. В качестве запоминающей среды в RRAM, как правило, используются обедненные кислородом нестехиометрические пленки оксида [4, 5]. Резистивный эффект описывается филаментарной моделью, заключающейся в структурной перестройке под воздействием импульса тока локальной области диэлектрика за счет разрыва/восстановления связей металл-

кислород и формировании высокой концентрации дефектов, которые формируют проводящий канал нанометровой толщины [10]. Таким образом, перспективным материалом для RRAM и CTFM является нестехиометрический оксид циркония $ZrO_{x<2}$.

Ранее было показано, что метод ионно-лучевого распыления металлической мишени в атмосфере кислорода (Ion Beam Sputtering Deposition – IBSD) позволяет синтезировать пленки $ZrO_{x<2}$ с различным атомным отношением $x = [O]/[Zr]$, которое изменяется за счет варьирования парциального давления кислорода в ростовой камере [11, 12]. Однако строение (атомная структура) и электронная структура $ZrO_{x<2}$ в настоящее время не установлена. В свою очередь, понимание влияния стехиометрии на электронную структуру оксида циркония открывает возможность управления его физическими (электрическими и оптическими) свойствами.

Целью настоящей работы является изучение атомной и электронной структуры нестехиометрического обогащенного металлом оксида циркония $ZrO_{x<2}$, синтезированного методом IBSD. Исследование проводится с использованием фотоэлектронной спектроскопии, первопринципного квантово-химического моделирования, комбинационного рассеяния света и спектроэллипсометрии.

¹⁾e-mail: timson@isp.nsc.ru

Аморфные пленки оксида циркония толщиной ≈ 50 нм синтезированы на установке SOURCERER (Veeco-Ion Tech, Inc.) на пластинах Si: поверхность (100), n -тип, $5-7 \text{ Ом} \cdot \text{см}$. Пластины перед загрузкой травились в растворе HF для удаления естественного оксида. Мишени циркония ($Zr > 99.9\%$) распылялись пучком ионов Ar^+ в присутствии кислорода высокой чистоты ($O_2 > 99.999\%$). Энергия ионов в пучке 1.2 кэВ , плотность ионного тока на поверхности мишени $\sim 1 \text{ мА/см}^2$. Перед подачей газов камера откачивалась до давления $\sim 10^{-5} \text{ Па}$. В процессе распыления при одновременной подаче рабочих газов Ar и O_2 давление не превышало $\sim 10^{-2} \text{ Па}$. Температура подложки в процессе синтеза не превышала 350 К . Содержание кислорода в пленке ZrO_x менялось варьированием парциального давления кислорода $P(O_2)$ регулятором расхода газа. Образцы ZrO_x выращены при $P(O_2) = 1.8 \cdot 10^{-3} \text{ Па}$ и $9.0 \cdot 10^{-3} \text{ Па}$. Образец металлического циркония изготовлен в виде полированной и химически очищенной от оксида пластинки из материала Zr мишени.

Состав пленок анализировался методом рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии (РФЭС) на приборе SPECS, с использованием полусферического анализатора PHIIBOS-150-MCD-9 и монохроматора FOCUS-500 (излучение $AlK\alpha$, 1486.74 эВ , 200 Вт). Определение относительного содержания Zr и O в зоне анализа (глубина 6 нм) осуществлялось по интегральным интенсивностям основных линий Zr и O, скорректированных на коэффициенты атомной чувствительности элементов. Форма линий аппроксимировалась в виде свертки функций Лоренца и Гаусса, фон вычитался по методу Ширли.

Квантово-химические расчеты проводились в пакете QUANTUM ESPRESSO в рамках теории функционала плотности в модели периодических ячеек с обменно-корреляционным функционалом B3LYP, воспроизводящим значение ширины запрещенной зоны $E_g = 5.5 \text{ эВ}$ аморфного ZrO_2 [13]. Энергия отсечки разложения волновых функций валентных электронов $Zr 4s^2 4p^6 5s^2 5d^2$ и $O 2s^2 2p^4$ по базису из плоских волн 1050 эВ . $ZrO_{x < 2}$ моделировался удалением атомов O в моноклинной суперячейке ($m\text{-}ZrO_2$). Выбор данной фазы обусловлен ее стабильностью и структурной близостью к аморфной. Положение нескольких вакансий O в структуре осуществлялось по методике, описанной в [14]. РФЭС-спектры рассчитывались суммированием парциальных плотностей заполненных состояний с весовыми множителями, равными соответствующим значениям сечения фотоионизации, и сглаживанием по Гауссу с $\sigma = 0.7 \text{ эВ}$.

Структурные свойства ZrO_x также исследовались методом комбинационного рассеяния света (КРС). Спектры КРС регистрировались при комнатной температуре в геометрии обратного рассеяния, для возбуждения использовалась линия Ar^+ лазера с длиной волны 514.5 нм . Использовался спектрометр T64000 производства Horiba Jobin Yvon. Спектральное разрешение не хуже 2 см^{-1} . Мощность лазерного пучка, доходящего до образца, 2 мВт .

Дисперсии показателя преломления и коэффициента поглощения определялись с помощью эллипсометра "Спектроскан": спектральное разрешение 2 нм , время записи одного спектра 20 с , угол падения луча света на образец 70° . Измерения проводились в диапазоне длин волн $250-900 \text{ нм}$. Использовалась четырехзонная методика измерений с усреднением по всем зонам. В расчетах использовалась оптическая модель: изотропная подложка – изотропная однородная пленка – среда. Подгонка спектральных зависимостей поляризационных углов осуществлялась, как описано в [15].

РФЭС-спектр $Zr 3d$ пленки, синтезированной при $P(O_2) = 9.0 \cdot 10^{-3} \text{ Па}$, хорошо описывается одним дублетом с положением максимума $Zr 3d_{5/2}$ (182.3 эВ), отвечающим Zr^{4+} , и совпадающим с данными для стехиометрического ZrO_2 $181.9-182.3 \text{ эВ}$ [16, 17] (рис. 1). Для пленки, синтезированной при

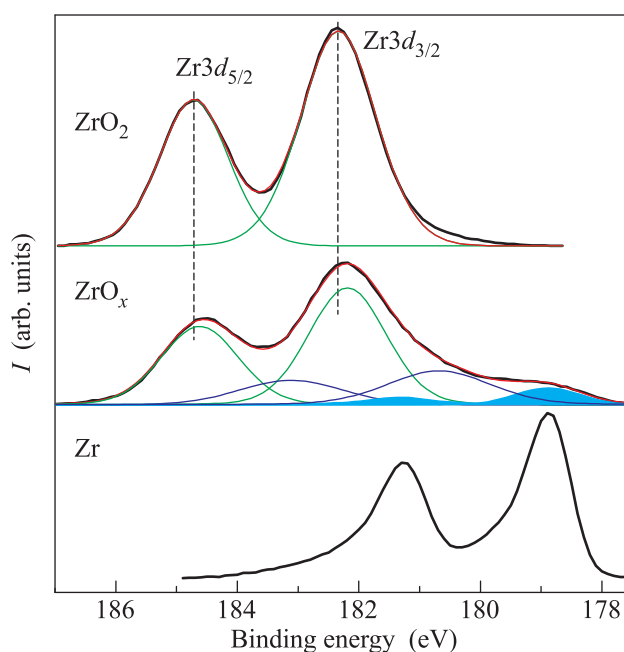

Рис. 1. (Цветной онлайн) РФЭС $Zr 3d$ линии ZrO_2 , ZrO_x и Zr (черные кривые) и их разложение на компоненты: сигнал от ZrO_2 – зеленые, от субоксида Zr – синие, от Zr – голубые, сумма компонент – красные

$P(O_2) = 1.8 \cdot 10^{-3}$ Па наряду с наиболее интенсивным дублетом $Zr3d_{5/2}$ (182.2 эВ) наблюдается плечо со стороны меньших значений энергии связи. Разложение этого спектра на отдельные компоненты позволяет выявить два дублета $Zr3d$ с максимумами $Zr3d_{5/2}$ при энергиях 178.9 и 180.7 эВ. Низкоэнергетический сигнал обусловлен металлическим Zr (рис. 1). Дублет с максимумом $Zr3d_{5/2}$ при 180.7 эВ обусловлен Zr в более низких степенях окисления, чем в ZrO_2 , характерных для субоксидов циркония ZrO_y ($y = 1/3, 2/5, 5/12, 1/2, 2/3, 1, 3/2$) [18]. Анализ интегральных интенсивностей сигналов позволил установить, что исследуемая пленка $ZrO_{x < 2}$ состоит из ZrO_2 на 67%, ZrO_y на 24% и Zr на 9%.

Анализ РФЭС линий $O1s$ и $Zr3d$ для ZrO_x дает оценку соотношения атомных концентраций элементов $x \approx 1.7$. Поскольку точность метода, как правило, около 10%, атомное отношение $[O]/[Zr]$ также оценивалось из сопоставления экспериментального и рассчитанного из первых принципов РФЭС валентной зоны, как это предложено для HfO_2 и $Hf_{0.5}Zr_{0.5}O_2$ [19, 20]. Суть метода в подборе концентрации вакансий O в модельной структуре оксида, при которой интенсивность расчетного РФЭС пика выше потолка валентной зоны E_V хорошо согласуется с экспериментальной. Метод базируется на согласии расчетного РФЭС объемного кристалла с экспериментальным для аморфной пленки. Сопоставление расчета и эксперимента предполагает, что РФЭС пик выше E_V формируется в равной степени вакансиями O и металлическим Zr, поэтому спектр реальной пленки ZrO_x сложного состава можно описать теоретическим для модели структуры оксида с однородным распределением вакансий O.

Для ZrO_x в РФЭС наблюдается пик с максимумом при энергии примерно на 2 эВ выше E_V (рис. 2). Аналогичная особенность наблюдалась для пленок ZrO_2 , облученных Ag^+ [21], и связывалась с кислородным обеднением. Расчетный РФЭС $m-ZrO_2$, в котором на 24 атома приходится две вакансии O ($[O]/[Zr] = 1.75$) слегка недооценивает, а спектр для той же суперячейки с тремя вакансиями O ($[O]/[Zr] = 1.625$) переоценивает интенсивность экспериментального пика. При этом положение и ширина пика хорошо согласуются с экспериментальным. Таким образом, первопринципные расчеты подтверждают экспериментально определенное значение $x = 1.7$. Поскольку $ZrO_{1.7}$ состоит на 24% из субоксида ZrO_y , оценочное значение y составляет 1.5. Стабильность Zr_2O_3 изучалась в [18, 22].

В отличие от эксперимента расчетная валентная зона ZrO_2 более узкая состоит из двух несиммет-

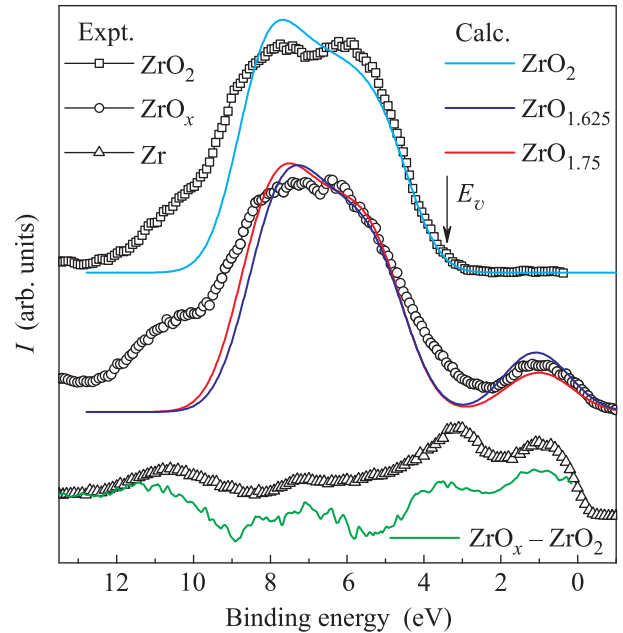

Рис. 2. (Цветной онлайн) Экспериментальные (символы) РФЭС валентной зоны ZrO_2 , ZrO_x и Zr, а также расчетные РФЭС $m-ZrO_2$ без дефектов и с различной концентрацией вакансий O

ричных пиков, что характерно также для HfO_2 и $Hf_{0.5}Zr_{0.5}O_2$ и объясняется простотой теоретической модели. Кроме того, эксперимент для ZrO_2 демонстрирует пик при энергии связи около 10 эВ, интенсивность которого выше для пленки $ZrO_{1.7}$. Данный пик обусловлен металлическим Zr, РФЭС которого имеет максимум при этой энергии. Вероятно, в ZrO_2 концентрация металлического Zr мала настолько, что РФЭС-сигнал от него не идентифицируется в спектре $Zr3d$ линии оксида. В работе [21] в РФЭС ZrO_2 данная особенность отсутствует. Для пленки $ZrO_{1.7}$ эксперимент демонстрирует уширение спектра валентной зоны за счет наложения сигнала от металлического Zr. Как можно видеть, металлический Zr также дает вклад в формирование пика РФЭС выше E_V , как и вакансии O.

В спектрах КРС пленки ZrO_2 видны сигналы от подложки Si: линия от длинноволнового оптического (O) фона на 520.3 см^{-1} , а также от двух-фононного рассеяния – два акустических фоновых (2A) 303 см^{-1} , акустический плюс оптический фоновый (A + O) 621 см^{-1} и два оптических фоновых (2O) $\approx 970 \text{ см}^{-1}$ (рис. 3). Пленка прозрачна в видимом свете и действует как просветляющее покрытие: сигнал от подложки выше, чем в случае Si без ZrO_2 . Пики с частотами меньше 150 см^{-1} – результат неупругого рассеяния света на молекулах воздуха. Из анали-

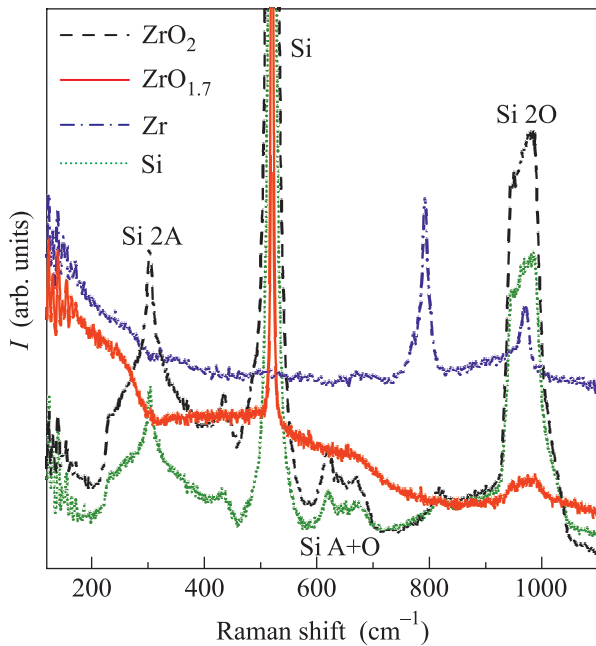

Рис. 3. (Цветной онлайн) Спектры КРС пленок ZrO_2 , $ZrO_{1.7}$, а также Si подложки и металлического Zr

за колебательных мод ZrO_2 [23, 24] следует, что его спектр КРС должен содержать пики в районе 300, 400 и 600 cm^{-1} . На фоне особенностей от подложки вклад от данных пиков ZrO_2 различить невозможно.

Пленка $ZrO_{1.7}$ полупрозрачна в зеленом свете, сигнал от подложки сильно ослаблен. В спектре КРС наблюдается “акустическое плечо” в области частот менее 300 cm^{-1} , которое имеется в спектре Zr. Следовательно, данная особенность связана с присутствием в пленке кластеров Zr: вклад от фононов, локализованных в кластерах Zr, либо от поверхностных фононов на границе кластеров Zr. В спектре также проявляются особенности в районе 970 cm^{-1} , которые по форме отличаются от (2O) пиков подложки. Вероятно, это вклад от валентных колебаний связей Zr–O [25], либо двухфононные особенности от колебательных мод, однофононное рассеяние от которых запрещено правилами отбора. В спектре Zr присутствуют пики с частотами 790 и 970 cm^{-1} , которые также могут быть обусловлены колебаниями Zr–O от естественного окисла, либо двухфононными особенностями от колебательных мод Zr.

Спектр оптического поглощения $\alpha(h\nu)$ в диапазоне энергий кванта 1.2–5.0 эВ для пленки $ZrO_{1.7}$ практически совпадает со спектром Zr (рис. 4а). Для ZrO_2 в данном диапазоне энергий поглощение отсутствует. Для $ZrO_{1.7}$ и Zr наблюдается аномальная дисперсия показателя преломления $n(h\nu)$ при $h\nu < 4.0$ эВ: монотонное уменьшение с ростом энер-

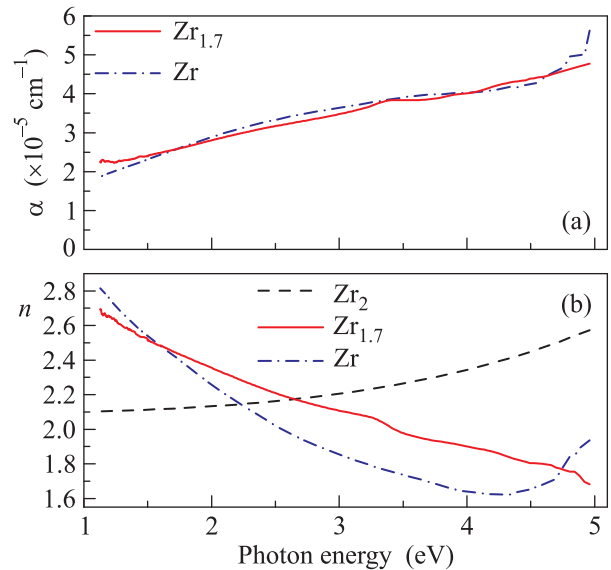

Рис. 4. (Цветной онлайн) Спектральные зависимости $\alpha(h\nu)$ (а) и $n(h\nu)$ (б) в ZrO_2 , $ZrO_{1.7}$ и Zr

гии кванта (рис. 4б). ZrO_2 имеет характерную для диэлектриков нормальную дисперсию $n(h\nu)$ в диапазоне $h\nu < E_g$: значение $n(h\nu)$ монотонно возрастает от 2.10 до 2.57 с ростом энергии кванта. Полученные спектры для Zr и ZrO_2 хорошо согласуются с литературными данными [26]. Таким образом, спектроскопические измерения подтверждают наличие металлической фазы в исследуемой нестехиометрической пленке $ZrO_{1.7}$ и показывают, что ее оптические свойства определяются металлическим Zr.

Модельная структура ZrO_x , предполагающая расположение ZrO_y либо на границе ZrO_2/Zr либо в объеме ZrO_2 , представлена на рис. 5а. В данной модели флуктуации химического состава ZrO_x вызывают локальные флуктуации E_g в диапазоне 0–5.5 эВ и потенциала для электронов и дырок. Зная значения электронного сродства ZrO_2 $\chi = 2.1$ эВ [13] и работы выхода Zr $W = 4.1$ эВ, можно построить энергетическую диаграмму ZrO_x (рис. 5а). Максимальный масштаб флуктуаций положения дна зоны проводимости E_C и E_V в ZrO_x составляет 2.0 и 3.4 эВ соответственно. Следовательно, кластеры Zr в ZrO_x являются глубокими потенциальными ямами для инжектированных электронов и дырок. Это позволяет использовать $ZrO_{x < 2}$ в качестве запоминающей среды элементов флэш-памяти, при условии низкой концентрации ловушек, через которые возможно растекание заряда.

В отличие от модели флуктуации потенциала Шкловского–Эфроса, основанной на пространственных флуктуациях концентрации заряженных доно-

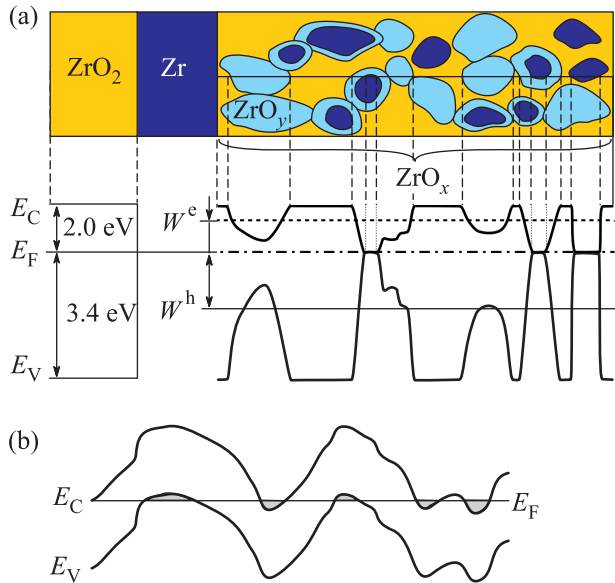

Рис. 5. (Цветной онлайн) (а) – Двумерная модель строения $ZrO_{x<2}$ и энергетическая диаграмма для произвольно выбранного сечения такой структуры в контакте с ZrO_2/Zr . (б) – Одномерная модель флуктуаций потенциала Шкловского–Эфроса

ров и акцепторов в компенсированном полупроводнике и неизменном значении E_g [27] (рис. 5б), в ZrO_x имеет место нейтральность в каждой точке пространства. Кроме того, в ZrO_x локальное электрическое поле для электронов и дырок направлено в одну сторону и способствует их локализации в одной локальной области пространства. Проводимость полупроводников с флуктуациями потенциала описывается теорией протекания и осуществляется за счет возбуждения электронов/дырок с уровня Ферми E_F на уровень протекания для электронов W^e /дырок W^h [27]. Аналогичная модель структуры HfO_x и теория протекания объясняют температурную зависимость проводимости в низкоомном состоянии элемента RRAM на основе HfO_x [28].

Итак, изучена атомная и электронная структура $ZrO_{x<2}$, синтезированного методом IBSD. По данным фотоэлектронной спектроскопии в ZrO_x состоит из стехиометрического ZrO_2 , металлического Zr и субоксидов ZrO_y . Рамановское рассеяние и спекроэллипсометрия подтверждает наличие металлической фазы. Установлено атомное отношение $x = 1.7$ исследуемой пленки, что позволило оценить стехиометрию субоксида циркония $y = 1.5$. Оптические свойства ZrO_x определяются металлическим Zr.

Предложена модель флуктуаций потенциала для электронов и дырок в $ZrO_{x<2}$, согласно которой нанокластеры Zr являются потенциальными ямами

(ловушками) с глубиной 2 эВ для электронов и 3.4 эВ для дырок. Это открывает возможность использования $ZrO_{x<2}$ в качестве запоминающей среды элементов флэш-памяти с существенно большим временем жизни локализованного заряда (хранения информации), чем для флэш-памяти на основе ZrO_2 , в котором в качестве ловушек выступают вакансии кислорода с энергиями локализации заряда около 1.2 эВ [9]. На основе пространственных флуктуаций химического состава и модели флуктуаций потенциала в $ZrO_{x<2}$ можно сделать вывод, что для описания транспорта заряда в резистивных элементах памяти на основе $ZrO_{x<2}$ следует использовать теорию протекания в случайном потенциале Шкловского–Эфроса [27]. Для верификации данного утверждения необходимо проведение соответствующих экспериментов по проводимости $ZrO_{x<2}$.

Работа выполнена в рамках государственного заказа # 0306-2016-0004. Моделирование осуществлялось на базе Информационно-вычислительного центра Новосибирского государственного университета.

1. G. Congedo, A. Lamperti, L. Lamagna, and S. Spiga, *Microelectronic Engineering* **88** (7), 1174 (2011).
2. J. X. Chen, J. P. Xu, L. Liu, and P. T. Lai, *Appl. Phys. Express* **6**, 084202 (2013).
3. X. D. Huang, R. P. Shi, and P. T. Lai, *Appl. Phys. Lett.* **104**, 162905 (2014).
4. D. Lee, H. Choi, H. Sim, D. Choi, H. Hwang, M. J. Lee, S. A. Seo, and I. K. Yoo, *IEEE Electron Dev. Lett.* **26**, 719 (2005).
5. I. Karkkanen, A. Shkabko, M. Heikkila, M. Vehkamaki, J. Niinisto, N. Aslam, P. Meuffels, M. Ritala, M. Leskela, R. Waser, and S. Hoffmann-Eifert, *Phys. Status Sol. A* **212**, 751 (2015).
6. D. Panda and T. Y. Tseng, *Thin Solid Films* **531**, 1 (2013).
7. M. V. Ganduglia-Pirovano, A. Hofmann, and J. Sauer, *Surf. Sci. Rep.* **62**, 219 (2007).
8. J. L. Lyons, A. Janotti, and C. G. van de Walle, *Microelectronic Engineering* **88**, 1452 (2011).
9. J. H. Hur, S. Park, and U. I. Chung, *J. Appl. Phys.* **112**, 113719 (2012).
10. F. Pan, S. Gao, C. Chen, C. Song, and F. Zeng, *Materials Science and Engineering: R* **83**, 1 (2014).
11. T. V. Perevalov, D. V. Gulyaev, V. S. Aliev, K. S. Zhuravlev, V. A. Gritsenko, and A. P. Yelissev, *J. Appl. Phys.* **116**, 244109 (2014).
12. Д. В. Гуляев, Т. В. Перевалов, В. Ш. Алиев, К. С. Журавлев, В. А. Гриценко, А. П. Елисеев, А. В. Заблоцкий, *ФТТ* **57**, 1320 (2015).
13. V. V. Afanas'ev and A. Stesmans, *J. Appl. Phys.* **102**, 081301 (2007).

14. T. V. Perevalov and D. R. Islamov, ECS Transactions **80**, 357 (2017).
15. M. S. Lebedev, V. N. Kruchinin, M. I. Lebedeva, and E. V. Spesivtsev, Thin Solid Films **642**, 103 (2017).
16. T. S. Jeon, J. M. White, and D. L. Kwong, Appl. Phys. Lett. **78**, 368 (2001).
17. M. S. Kim, Y. D. Ko, J. H. Hong, M. C. Jeong, J. M. Myoung, and I. Yun, Appl. Surface Science **227**, 387 (2004).
18. J. Zhang, A. R. Oganov, X. F. Li, M. M. D. Esfahani, and H. F. Dong, J. Appl. Phys. **121**, 155104 (2017).
19. V. A. Gritsenko, T. V. Perevalov, and D. R. Islamov, Phys. Rep. **613**, 1 (2016).
20. Т. В. Перевалов, В. А. Гриценко, Д. Р. Исламов, И. П. Просвирин, Письма в ЖЭТФ **107**, 62 (2018).
21. C. Morant, A. Fernandez, A. R. Gonzalez elipe, L. Soriano, A. Stampfl, A. M. Bradshaw, and J. M. Sanz, Phys. Rev. B **52**, 11711 (1995).
22. K. H. Xue, P. Blaise, L. R. C. Fonseca, and Y. Nishi, Phys. Rev. Lett. **110**, 065502 (2013).
23. P. Barberis, T. MerleMejean, and P. Quintard, J. Nucl. Mater. **246**, 232 (1997).
24. A. P. Naumenko, N. I. Berezovska, M. M. Biliy, and O. V. Shevchenko, Phys. and Chem. Solid State **9**, 121 (2008).
25. G. A. Gogotsi, Refractories and Industrial Ceramics **38**, 224 (1997).
26. P. Petrik, A. Sulyok, T. Novotny, E. Perez-Fero, B. Kalas, E. Agocs, T. Lohner, D. Lehninger, L. Khomenkova, R. Nagy, J. Heitmann, M. Menyhard, and Z. Hozer, Appl. Surface Science **421**, 744 (2017).
27. Б. И. Шкловский, А. Л. Эфрос, УФН **117**, 401 (1975).
28. V. N. Kruchinin, V. S. Aliev, T. V. Perevalov, D. R. Islamov, V. A. Gritsenko, I. P. Prosvirin, C. H. Cheng, and A. Chin, Microelectronic Engineering **147**, 165 (2015).